

Введение, в котором ценность истины не выглядит безусловной

— **П**одлинное. Всё подлинное, — негромко повторял старичок, сдержанно кивая.

— И это?

— Всё. Я же говорю вам, всё здесь...

— Извините, может, я неправильно выразился. Я понимаю, что эти экспонаты родом из времен, когда, как говорится...

— Эти экспонаты, как вы изволили выразиться, не просто могли бы принадлежать кому-то из них. — В голосе старика явственно зазвучали саркастические нотки, напомнившие о его неуживчивости в менее преклонном возрасте, про которую Хьюз уже слышал. — Это их личные вещи, поймите уже наконец!

— То есть Шерлока Холмса и доктора Уотсона?

— Не только. Некоторые предметы из той самой квартиры принадлежали ее хозяйке. Посуда, например.

— Да, я видел.

— Но и это еще не всё. Пройдите наверх. Отдельная комната посвящена инспектору Лестрейду. После него тоже осталось немало занятного.

— А скрипка? — Хьюзу, почти не интересующемуся детективами, более всего из сюжетов о Холмсе запомнились скрипка и химические опыты.

— Здесь вы меня подловили, — улыбнулся старичок, поворачиваясь к висящему на стене за стеклом инструменту. — Каюсь, из всего комплекта только смычку посчастливилось бывать в руках Шерлока Холмса. Скрипка не сохранилась. Почему — отдельная история. Мне подумалось, просто повесить один смычок... как-то не смотрится, не правда ли? Полагаю, я нашел изящное решение, дополнив его скрипкой, которая, как вы теперь понимаете, никакой исторической ценности не имеет.

Дэниэл Хьюз, репортер скромной газетенки «Финчлиньюс», решивший написать статью об очаровательном захолустном музейчике Шерлока Холмса, начинал подумывать, что, возможно, более увлекательным получится отчет об удивительном факте безумия его владельца.

И ведь его об этом прямо предупреждали. Ближайший сосед Лестрейда, преподаватель физики в местной школе, на вопрос Хьюза, в правильном ли направлении он движется, скептически заметил, что, мол, и да и нет. Он, конечно, туда попадет, только зачем?

— Ах, из газеты, — усмехнулся он в ответ на пояснение представителя прессы. — Тогда, пожалуй, стоит ввести вас в курс дела. Разговаривая с ним, твердо держите в уме, что имеете дело с умалишенным.

— В каком-то роде да, я понимаю, — с детства приученный к вежливости, с улыбкой закивал Дэни. — В его положении он просто обязан быть немножко тронутым.

— Вы не поняли. Не в каком-то роде, а в самом что ни на есть очевидном. Одним словом, настоящий псих. Поверьте, я не преувеличиваю. Впрочем, не беспокойтесь, — добавил приверженец точных наук, заметив замешательство на лице репортера, — он неопасен. Вы ничем особо не рискуете.хлопот и серьезных проблем вам это не доставит.

Максимум повеселите нас. Свежий анекдот в наших местах — довольно редкая штука.

Предупреждение своим своеобразием порядком смутило Хьюза, но он поблагодарил и полюбопытствовал:

— И давно это с ним?

— Когда он свихнулся? Трудно сказать, но точно не вчера. Подозреваю, еще в детстве, как только осознал, что имеет ту же фамилию, что и инспектор из книжек про Холмса.

— Его фамилия действительно Лестрейд?

— Да. И это точно не пошло ему на пользу. Вот увидите, все его усилия сведутся к тому, чтобы убедить вас, что он потомок того самого Лестрейда, с которым то ли состязался, то ли делил славу сам Шерлок Холмс.

— То есть, — осторожно улыбнулся Дэни, — я не совсем понял...

— Нет, вы всё правильно поняли. Так что, дабы не свалить дурака, держите ухо востро.

Несмотря на то что физик никак не походил на любителя розыгрышей, Хьюз покинул его с ощущением, что только что подвергся изощренному издевательствам с неясной целью. А спустя четверть часа уже прохаживался по комнатам, превращенным руками хозяина в демонстрационные залы, и с интересом выслушивал комментарии. Впрочем, залы — неподходящее холодное слово для таких крохотных и уютных пространств, напичканных самыми разнообразными предметами.

Хьюз принадлежал к той части журналистской братии, за которой стойко закрепилась репутация самой поверхностной категории человечества. Будучи твердо убежденным, что для освещения вопроса вовсе не обязательно в нем разбираться, и ни во что не погружаясь хоть сколько-нибудь глубоко, он быстро забывал даже то небольшое, что успевал ухватить, прикоснувшись к какой-либо теме. Ничего не понимал он и в собирательстве. Особенно если речь шла о такой причудливой области. Он мог только

догадываться, сколько усилий и находчивости требовалось приложить, чтобы воссоздать в мельчайших подробностях обиход знаменитого сыщика и его верного помощника. Некоторые детали были так тонко и остроумно подмечены, что невольно вызывали у него смех восхищения. Даже в том, как они были подобраны и расставлены, ощущалась невероятная любовь и доскональное знание предмета, приобретенное за долгие годы ценой вдумчивости и упорства. Едва ли не впервые в жизни столкнувшись с проявлением подлинного ревностного служения, он вдруг осознал, что у него язык не поворачивается назвать этого человека коллекционером. Исключительно благодаря особым качествам его натуры, в числе которых первой стоило заподозрить одержимость, этот скромный по размерам дом превратился в музей, своей коллекцией не уступающий знаменитому лондонскому коллеге. А в чем-то, в смысле изобретательности, оставивший старшего собрата позади.

Удивительно, но о существовании этого замечательного дома Хьюз узнал совершенно случайно. Музей не приобрел не то что славы, даже скромного признания. Молва, что должна была распространить весть о нем во все стороны, упорно это дело откладывала. Неведение отдаленных мест отчасти вытекало из отношения соседей. Лестрейд с его детищем пользовался в округе той особой известностью, что окружает сомнительную достопримечательность, похвально которой никому не придет в голову. В первые годы, отмеченные его беспокойным темпераментом, ее трудно было проглядеть, поэтому вместо признания соседи платили ему плохо скрываемой неприязнью. Мало того что занятие его находили малопривлекательной и бессмысленной забавой, так он еще и взялся утверждать, что персонажи полюбившихся рассказов жили на этом свете, да так, что некоторые оставили потомство, к которому он принадлежит. И при этом единственный в королевстве располагает доказательствами. Еще бы не единственный! Хорошо еще,

что так, потому что сумасшествие Джосайи Лестрейда особенно отталкивало тем, что не вписывалось в общепринятые представления об этих самых сумасшествиях.

Принято думать, что всякая уважающая себя психиатрическая лечебница при всем неповторимом сочетании индивидуальностей, пребывающих в ее стенах, обязательно располагает хотя бы одним Наполеоном. Возможно, в некоторые из них каким-то чудом затесались редкие Шерлоки Холмсы. Но уж точно невозможно вообразить себе, что в компанию к столь блистательным фигурам станет набиваться такое неприметное создание, как одна из незадачливых ищеек Скотленд-Ярда, или уж тем более его правнук. Зачем съезжать с катушек в такую уничижительную сторону? Что мешает свихнуться более выразительно? В основе помешательства, по крайней мере на взгляд обывателя, всегда лежит громкое заявление. Те, кто полагает себя нормальными, убеждены, что психи — еще те хвастуны. Колеблясь между формами безумия, всякий, кто уже тронулся и приближается к состоянию чокнутости, всегда мучительно выбирает между Наполеоном и Цезарем, но уж точно не рассматривает кандидатуру одного из адъютантов первого или безымянного участника массовой из толпы убийц второго.

В итоге эксцентричный чудака, чьи настойчивые попытки привлечь внимание к очередной сногшибательной находке давно не вызвали даже вежливого любопытства, превратился в посмешище, постыдную нелепость, вдобавок ко всему еще и с норовом, что вряд ли прибавляло чести простому краю земледельцев с их суровым размеренным бытом. Они, гораздо более прозаичные, чем он, полагая Холмса исключительно плодом вымысла, тем не менее не могли стерпеть надругательства над его именем и были возмущены тем, как безумный коллекционер оскверняет легенду, уверяя, что его предок в соперничестве с Холмсом нередко добивался успеха. Но Джосайя Лестрейд

и не помышлял о богохульстве. Более всего раздражало то, что он выглядел человеком, превыше всего ценящим истину. Ему не было дела до «их» Холмса, если легенда не имела ничего общего с действительностью.

Хьюз застал старика уже на излете. Постарев и давно утратив надежду преодолеть насмешливое недоверие циников, правнук инспектора доживал свой век в гордом одиночестве хранителя сокровищ, осмеянных глупцами. Пыл, с каким он прежде одолевал нечастого посетителя, изрядно поубавился. Смирившись со всеобщим отчуждением, старик утешался тем, что воздаст по заслугам предку своим образом жизни и тем самым с честью исполняет долг благодарного потомка.

«Действительно очаровательно, что бы там ни случилось с хозяином», — размышлял Хьюз, пока взгляд его медленно переходил с одного предмета на другой. Он уже не ломал голову, есть ли во всем этом хоть капля истины или ему довелось попасть в мастерскую фокусника, и просто наслаждался сказочной обстановкой, напрочь позабыв о расписании поездов и прикидывая, какими фразами передать эту особенную атмосферу поселившегося в тиши провинции волшебства. «Дух времени, несомненно, — кивал он себе, припоминая подходящие шаблоны. — Да-да, воздух буквально пропитан характерами героев, словно оживших со страниц...»

И вид у всего такой, какой он себе и представлял, если речь шла о давно минувших временах. Впрочем, кто поймет? Как должен выглядеть плащ, если, с одной стороны, за ним тщательно ухаживали, а с другой, в нем же бегали по болотам за собакой или от нее? Даже имея смутное представление о деталях баскервильской истории, Дэни всё же понимал, что в любом случае собака бегают лучше и надо радоваться, если при таком раскладе хоть что-то осталось. Как говорится, есть на что посмотреть, так стоит ли придирааться? Или вот охотничья шапка.

По словам старика, та самая, из Мейрингена. Холмса? Нет, к сожалению, доктора. Свою Холмс уронил в водопад вместе с профессором Мориарти. При упоминании имени великого злодея Дэни оживился еще больше, однако тут его ждало разочарование. Профессор улетел в пучину застегнутым на все пуговицы, так что музею от него ничего не перепало.

Кепи Холмса, хлыст, кресло, каминная решетка. И конечно же, его знаменитые трубки. Сразу несколько, «на разные случаи сложности», последняя такая длинная, что Дэни едва не принял ее за клюшку для гольфа.

— А где же армейский револьвер доктора? — решил блеснуть своими познаниями Хьюз.

— У него его не было, — ответил мистер Лестрейд. — И не могло быть. На самом деле доктор Уотсон не только не служил в армии и не бывал на Востоке, но и, строго говоря, не являлся доктором.

— То есть как? — опешил Дэни.

В сказку приятнее даже не верить, а играть только при условии, что соблюдены все нюансы. В применении к игре это означало строгое следование ее правилам. Но хозяин не желал подыгрывать. Несоответствия только требовательнее заявляли, что сказка — и не сказка вовсе.

— А так. Это одно из расхождений авторского замысла с действительностью. Их не так мало, как может показаться. Обо всем этом можно узнать здесь.

Он указал на какие-то бумаги, лежавшие в специальном ящике со стеклянной крышкой. Хьюз присмотрелся и понял, что это тетради. По виду старые, с потемневшими обложками, без подписей.

— Что это?

— Дневники.

— Современников?

— Шутите, — покачал головой мистер Лестрейд. — Вы так и не поняли, куда попали. Вам дорога в Лондон.

На Бейкер-стрит. Ничего не стоящих побрякушек там предостаточно.

И Хьюз отправился, но не в Лондон, а к себе. Писать статью и вспоминать свою, как оказалось, последнюю встречу с правнуком инспектора Лестрейда. Задуманное не клеилось. Выходил сумбур, так как он не мог определиться, что в его работе будет основополагающим. На чем сосредоточиться, что поставить во главу угла: сказочный мир «лавки древностей», не менее дикий мирок в голове владельца, угрюмое неодобрение соседей? Понимая, что всё это важно и тесно переплетено друг с другом, но не сумев разобраться в причинах и последствиях, он попытался охватить всё, но в результате получил жуткую кашу из разрозненных кусков с неуклюжими переходами от одной бесвязности к другой.

Промучившись пару недель, Хьюз решил еще раз посетить мистера Лестрейда. Но опоздал. Неожиданно для всех старик умер, и Дэни застал в доме троих мужчин. Тот, что выглядел моложе всех и назвался Питером, оказался дальним родственником по черт-те какой линии. Его гораздо больше интересовали дом с землей, поэтому все свои вопросы он адресовал тому, в ком Хьюз сразу же угадал поверенного. Третий, низенький и щуплый, но при этом на удивление самый приметный, в отсутствие внимания остальных вовсе не скучал. Подвижный, хоть уже далеко не молодой, чем-то напоминающий покойного хозяина, с живыми смеющимися глазами, он расхаживал среди столов с витринами, улыбаясь и крикая от удовольствия. Не назвав Хьюзу своего имени, он представился экспертом, прибывшим по просьбе наследника с единственной целью. Питер, чей взгляд, пробегая по обстановке, мгновенно скучнел, желал получить ответ, можно ли что-нибудь выручить за весь этот хлам.

«Эксперт! — недоумевал Дэни. — В чем именно? И чем займется? Экспертизой чуда?»

Наследник, обсуждая что-то с юристом, то уходил наверх, то возвращался вниз. Эксперт, больше интересующийся мелкими вещицами под стеклом, не разгибая спины, перетекал от одной витрины к другой. Стеклянные крышки открывались, вещицы с тем же кряканьем вертелись в руках и подносились к носу. С лица эксперта не сходила добрая и одновременно лукавая усмешка. У тетрадей он застыл надолго. На Хьюза никто не обращал внимания. В присутствии этих людей, каждый из которых по-своему являлся исследователем, очарование безмолвного волшебства исчезло. Ему стало некуда себя деть, но и уходить не хотелось. Он топтался, словно пережидая. Чего — сам не знал.

«Прочность стен, высота потолков, качество отделки, деревянные панели...» Обрывки фраз доносились до него, перебиваемые деловитым вышагиванием. «Раньше, чем через полгода, не получится», — вторил юрист. Неужели Питер собрался продавать дом?

Человечек наконец выпрямился с оханьем, чтобы дать отдых натруженной спине.

«До чего же этот тип похож на хозяина! — подивился Хьюз, присмотревшись к нему. — Если бы Джосайя Лестрейд знал о его существовании, он бы изменил завещание. Вот кому здесь самое место!»

Их глаза встретились, и Дэни, не умевший молча выдерживать чужой взгляд, спросил, сам не зная что:

— Ну, и?..

— Простите?

— Общее впечатление, — пожал плечами Хьюз, используя этот вспомогательный жест всякий раз, когда руки находились в карманах.

— Ну, если только самое общее! — улыбнулся человечек. — Да и то нет смысла. Поскольку очень скоро это всё перейдет...

Он посмотрел наверх, и Дэни, послушно проследовав глазами, увидел, как Питер разматывал рулетку и указывал поверенному, где зафиксировать конец.

Эксперт с задумчивым видом вернулся к витрине с бумагами, и Хьюз последовал за ним.

— Для газеты, — брякнул он, испытывая неотвязное состояние беспомощности рядом с этим самодостаточным умником.

— Понимаю, — неожиданно с одобрением кивнул человек. — Если хотите мое мнение, тетради — самое любопытное из всего. Когда вам случится повстречать дневники тех времен, вы убедитесь, что они составлены именно на таких тетрадях. Так что даже если это и подделка...

— Что значит «если»? — оторопел Хьюз.

— Видите ли, я вынужден говорить так, потому что слышал краем уха, под каким соусом всё это великолепие преподносилось покойным. Это, конечно, в высшей степени забавно, что и говорить! — рассмеялся эксперт негромким, но искренним смехом. — Как бы то ни было, его старания заслуживают самой горячей похвалы. Честное слово, на меня всё, что я увидел, произвело глубочайшее впечатление. Но я здесь по другому поводу. В любом случае не мне судить о том, персонаж ли только Холмс или реальное историческое лицо, поскольку серьезно я никогда этим вопросом не занимался. Мое дело — вот... — Он слегка провел пальцем по одной из обложек. — Состав бумаги и чернил, качество сохранности, так сказать, состояние под воздействием времени. Но уже сейчас, если вам интересно, могу осторожно допустить, что эти записи сделаны отнюдь не вчера.

— Как это? Ну... не вчера... А насколько не вчера?

— Настолько, что может стать, их автор — современный Конан Дойла. — Человек снова с удовольствием рассмеялся. — И потом, фальсификации, знаете ли, порой куда

симпатичнее подлинников. Почему бы и нет? Главное, чтобы прослеживался вкус.

Против воли Хьюз, как муха в сиропной ловушке, всё крепче прилипал душой к этой сладостной обманке. Фикция, перевертыш, да что угодно — не всё ли равно, если внутри всё обмирает от счастья!

Покончив с делами, двое мужчин спустились и молча присоединились к ним. Склонив голову так, что подбородок почти упирался в грудь, Питер раскачивался на носках своих блестящих ботинок. Глаза его пытливо ощупывали содержимое ящиков, и то же положение рук — в карманах — нисколько не мешало общему ощущению прижимистой собранности, исходящему от его фигуры. Не то что у Хьюза, который пихал туда руки, когда не знал, куда деть и их, и всего себя.

— Удалось определиться? — спросил наследник, не подняв головы и глядя прямо перед собой как человек, которому не особо интересно наблюдать на лицах окружающих реакцию на его слова.

— Молодой человек из газеты, — улыбаясь, начал человек, доброжелательно подмигнув Дэни, — мистер...

— Хьюз.

— Мистер Хьюз предложил любопытную идею. Посвятить этой замечательной коллекции что-то вроде описательного репортажа или рецензии. Мы взялись решить, что для этого лучше всего подойдет. Но для начала необходимо ваше одобрение. Как вы на это смотрите?

Молчание нового хозяина казалось Хьюзу невыносимым, но эксперт, похоже, лучше разбирался в оттенках безмолвия Питера Лестрейда. Он бойко перечислял нужное, Хьюз же, понимая, что лучше не вмешиваться, чтобы не испортить, отвернулся и как зачарованный смотрел на дневники. Более его ничто не интересовало. Без них всё теряло смысл. Настолько, что не хотелось и братья.

— Ну вот. Если договорились, тогда вроде бы и всё.

Хьюз прослушал, о чем же в итоге договорились.

— Вы какую газету представляете, мистер Хьюз? — впервые подал голос поверенный.

— «Финчли-ньюс», — отозвался Дэни как можно небрежнее, хотя сердце его сжалось.

— Угу, — промычал без энтузиазма юрист. — Я так понимаю, это не в Лондоне.

Остальные переглянулись с одинаковым выражением. Впрочем, здесь подобрались люди тертые, и никто особо не надеялся, что ответ превзойдет ожидания. Дэниэл Хьюз не походил на лицо из «Таймс» или «Гардиан».

— Итак, мистер Хьюз, — обратился к нему эксперт, добавив своему напутствию ту малость торжественности, какую допускала его неубиваемая ирония. — В общих чертах всё обговорено. Можете приступать, и, пожалуйста, чувствуйте себя свободно. Я здесь тоже еще некоторое время побуду.

— Нам с мистером Карвером уже пора, — сказал Питер и повернулся к эксперту. — Ключи оставляю вам. Мой адрес вам известен.

— А бумаги? — Дэни взялся двумя пальцами за краешек одной из тетрадей хоть и аккуратно, но так отчаянно, будто пытался зацепиться якорем за дно спасительной гавани. — Как насчет них?

Эксперт тоже выжидающе посмотрел снизу вверх на Питера, и у Хьюза екнуло в душе: «Самое важное-то не выяснили!»

— Что вы имеете в виду? — уклончиво отозвался Питер.

— Вы позволите ознакомиться? Возможно, это стоит опубликовать. — Голос Хьюза лишний раз подтвердил то, что и так уже было известно. Ни один лондонский журналист не опустился бы до столь молящих интонаций. — Хотя бы отрывочно.

Питер пожал плечами, что означало, что он раздумывает.

— Поймите, если удастся привлечь к ним интерес, от этого все только выиграют. И больше всех — вы.

— Мистер Лестрейд, вам предлагают дело, — вкрадчиво-протяжно, словно размазывая мягким нажимом на собеседника собственный тон, добавил человек.

Питер вновь пожал плечами, что означало, что ему всё равно.

Через несколько дней «Финчли-ньюс» со всем своим провинциальным усердием разразилась долгожданной статьей. Долгожданной для Дэни, измучившегося страхами, что приземленный мистер Харрис не клюнет, сочтя его идею бредовой. Конечно, главному редактору полагается быть во многом житейским и будничным, ведь на его плечах груз стольких забот. И всё же мистер Харрис, как бы выразиться поточнее, дитя глуши, сугубо местечковый продукт, что ни говори, он слишком узок и безнадежно прозаичен, чтобы оценить прелесть его, Дэни, затеи.

Но мистер Харрис клюнул. То ли оказался недостаточно приземленным, то ли неуклонное падение и без того скромного тиража довело его, наконец, до состояния, когда остается возлагать надежды лишь на авантюры. Так или иначе, мистер Харрис одобрил идею продолжительной публикации заманчиво-сомнительных материалов и вдобавок, опасаясь, что в такой ответственный момент его неопытному сотруднику не хватит средств по-настоящему выплеснуться на читателя в ретивом духе открывателя сенсаций, лично написал предисловие.

Скрепя сердце Дэни прочел чужой текст, предваряющий работу, которую ему еще только предстояло проделать. Доктор Уотсон, инспектор Лестрейд... Очень скоро заговорят и они, и, по счастью, совсем иным языком. Теперь уж сомневаться не приходится, ибо дорога не только расчищена, но и снабжена крикливым указателем. Погрузившись в чтение тетрадей, Дэни почти мгновенно осознал, что с такими сокровищами на руках у него просто нет иного

пути, кроме как сделаться миссионером. Предвкушение отчетливо рисовало перспективы. Это будет пиршество для истосковавшего читателя. Приз, ради которого стоит продаться и через такое:

«Так уж случилось, что в распоряжении редакции оказался настоящий сундук с сокровищами. Да простят нам читатели столь высреннее выражение, но речь идет о материалах, имеющих прямое отношение к самой известной части творчества величайшего нашего соотечественника сэра Артура Конан Дойла, то есть к приключениям Шерлока Холмса. В случае подтверждения назревающей сенсации в скором будущем пред изумленным взором всего мира предстанут документы, являющиеся ни много ни мало реальными записями людей, которые при всей любви воспринимались нами лишь в качестве вымышленных персонажей.

В настоящее время найденные дневники и письма проходят тщательную проверку на подлинность. Предстоит перетряхнуть сверху донизу не один архив, чтобы не только определить время, в которое они были созданы, но и установить действительную причастность к их появлению лиц, принимавших участие в событиях более чем вековой давности, а значит, под вопрос подпадает и достоверность самих событий. В создавшемся положении было бы наивным рассчитывать на скорое прояснение пока еще весьма запутанной ситуации, в связи с чем мы оказались перед непростым выбором.

Разумеется, никому из тех, кто знаком с нами по настоящему, не только не придет в голову упрекнуть нас в стремлении к дешевой сенсационности, в служении вульгарному культу сплетен и испорченному воздуху ажиотажа, но и выразить хоть ничтожное сомнение в отношении ответственности, с которой мы подходим к изложению даже самых невинных фактов. Одному из наших

читателей, вполне уважаемому историку журналистики, принадлежит мнение, пусть пока и не нашедшее признания за пределами нашего города, но не лишнее разумных доводов и потому имеющее право на существование, что известные всем базовые принципы журналистской этики много лет назад сложились и утвердились внутри негласного кодекса существовавшей уже тогда „Финчли-ньюс“, после чего были подхвачены и приняты на вооружение уважающими себя изданиями всего мира. Что ж, вполне может быть. Во всяком случае, нам этот довод опровергнуть нечем. И сейчас, по прошествии стольких лет, мы так же свято чтим славные традиции честной прессы, заложенные, как выяснилось, здесь же, в связи с чем бескомпромиссной проверке подвергается в том числе и информация в кроссвордах, размещаемых на последней странице, и присылаемых нам домашних рецептах. Многим памятна история с начинкой для рыбного пирога одной домохозяйки, сделавшей всё возможное для того, чтобы ее имя никогда впредь не нуждалось в упоминании. Исключительно по прихоти особы, в чьем представлении скандальная известность и признание неразличимы, газета оказалась втянута в изнурительную судебную тяжбу на предмет плагиата, но, подчеркнем, то был осознанный шаг с нашей стороны, продиктованный убеждением, что никакие издержки несопоставимы с репутацией.

Казалось бы, эти же самые принципы, приверженностью к которым дышит каждый абзац любого нашего выпуска, требуют хранить молчание и сейчас вплоть до момента, когда, как говорится, всё утрясется и истина будет установлена окончательно. Но вместе с тем в сложившейся ситуации мы не можем не задаться вопросом: к чему нас приведет такое чисто формальное и бездумное соблюдение этих принципов, которые в отсутствие осознанности неминуемо обратятся в бездушные препоны,

прутья клетки, сковывающей, словно пойманную птицу, сам дух свободы и гласности, свойственный настоящей журналистике? Иными словами, до чего мы докатимся, если будем следовать им слепо, без учета всех нюансов сложившейся ситуации? Ответ очевиден. С такой чрезмерной, неуместной и явно показной щепетильностью газета не имеет права на самоуважение. Вырваться на передний край информационного фронта только лишь затем, чтобы безвольно устранившись, отступить в безмолвные ряды безнадежных аутсайдеров, строчащих о событиях позавчерашней недели и освещающих темы, чья свежесть может конкурировать разве что с археологией!

Даже если бы мы скрепя сердце решились обречь себя на такую постыдную роль, от последнего шага в этом направлении нас удержала бы мысль о наших читателях. Как это ни ужасно, бывают в жизни случаи, требующие поступков во вред себе, но ничто не заставит нас наплевать на тех, ради кого мы вкладываем всю душу в свое дело. Разве этого они заслужили? Узнать о реальном существовании Шерлока Холмса с непростительной задержкой, то есть примерно на полторы-две недели позже, чем могли бы, то есть одновременно с какими-нибудь лондонцами или ньюйоркцами, — что может быть унижительнее, тем более в ситуации, когда замалчиванием в отношении практически уже проверенной информации занимается не кто-нибудь, а родное издание, которое они поддерживали в столь трудные для него времена! В положении, когда помалкивать, что называется, в тряпочку означает, по сути, лгать или красть, мы говорим: „Нет и еще раз нет!“

Те, кто сохранил нам верность, должны быть вознаграждены правом и через пятьдесят лет вспоминать, что именно их город, превратившись в одночасье в развороченный улей, стал той точкой, откуда один из самых оглушительных фактов британской истории, выплеснувшись

из пабов и парикмахерских, начал свое распространение по свету.

Поэтому с твердым пониманием всей щекотливости создавшегося положения мы находим для себя единственно возможным и уместным представить записи наших героев пока в качестве литературного произведения. Ценность их заключается прежде всего в том, что они содержат новый и весьма неожиданный взгляд на события, описанные в цикле произведений о Шерлоке Холмсе.

Откроет наш цикл фрагмент из записей инспектора Лестрейда. Следует признать, против репутации этого документа, как, впрочем, и остальных, выступает то обстоятельство, что, по всей видимости, автор не пытался опубликовать свои записи в то время, когда труды его были завершены, — во всяком случае о таких попытках ничего неизвестно. Отдадим должное инспектору. Вместо того чтобы воспользоваться возможностью самолично переписать историю на удобный лад и выставить себя как угодно лицеприятно, он, увлекшись откровенностью, нет-нет да и проговаривается о некоторых, довольно шокирующих особенностях своей деятельности на страже закона. Это больше исповедь, нежели подчищенные и приглаженные мемуары для публики, в чем и заключается особое значение воспоминаний инспектора. И всё же, при очевидной их ценности, нельзя не учитывать известную всем предвзятость автора в отношении своего вечного визави. Наша публикация вышла бы непростительно однобокой, если бы мы полностью доверились инспектору и не предоставили бы слова одному из его принципиальных соперников. А потому объективности ради, отстаивая честь великого друга, эстафету подхватит доктор Уотсон. Наш цикл будет построен на чередовании эпизодов из записок инспектора и дневника доктора, так что читатели получают уникальную возможность напряженно следить за увлекательным диалогом, в котором ни один выпад

Другой Холмс. Начало

не останется без достойного ответа. Следить, оценивать и, быть может, принять чью-то сторону. Почему бы и нет? Мы будем счастливы и горды, если предоставленного материала им хватит, чтобы составить собственное мнение о приключениях Шерлока Холмса.

Для лучшего понимания происходящего мы рекомендуем освежить в памяти интерпретацию тех же событий А. К. Дойла и перечитать его замечательные рассказы: „Скандал в Богемии“, „Союз рыжих“, „Установление личности“, „Голубой карбункул“, „Тайна Воскомской долины“, „Человек с рассеченной губой“, „Берилловая диадема“, „Палец инженера“, „Пять апельсиновых зернышек“, „Медные буки“».

Глава первая,

**в которой обида
выдает себя желчью**

in the spring. (No rest at all on knowledge
and recorded their affair in summer a bit in
the case at Reppit. However, our floor. etc.

13. Humber. John a
up Hafter reports
proceeds no then.

the
John
at home

Из записей инспектора Лестрейда

Просматривая свои записи, в том числе и самые ранние, двадцатилетней давности, я убедился в необходимости своеобразного вступления, без которого совершенно неясно, как и откуда возник этот человек. Подчеркну, не явление, о котором предостаточно рассказано и без меня, а сам Холмс, потому что сей субъект принялся маячить перед носом полиции задолго до рождения его странной славы и бытующее среди обывателей мнение, будто Холмс ворвался в криминальную жизнь Лондона в одночасье, не имеет под собой никаких оснований. Несмотря на частые пересечения с ним, некоторое достаточно продолжительное время в своих записках я обходился без упоминаний о нем. Не из гордости, как многие могли бы подумать. Просто до поры его присутствие в среде криминалистов было слишком незначительным, как мелкое облачко или одно из многочисленных деревьев на дальнем плане в пейзаже художника, чтобы имелся хоть какой-нибудь смысл отводить ему здесь место. Разве что курьезный, однако желания разбавлять комическими сюжетами серьезное чтение, каковым просто обязано являться свидетельство инспектора криминального департамента Лондона, я в себе не находил.

Так продолжалось до тех пор, пока его вмешательство в наши дела не стало настолько навязчивым, что зачастую оказывало определенное влияние на исход событий, обойти вниманием которое без ущерба целостности картины уже не представлялось возможным. Таким образом, в деле

ограбления «Си Эс банка» (*City&Suburbanbank*. — Примеч. ред. газеты «Финчли-ньюс»), или, как его прозвали некоторые любители громких заголовков, в истории «Союза рыжих», впервые в мою письменную речь проник данный персонаж, и тогда же ситуация почти мгновенно переменялась. Начиная с летних дней девяносто первого года весь последующий период моей деятельности полностью совпал с пиком популярности этого проходимца, а потому пытаться оспаривать достоверность слухов, связанных с его именем и сначала пышно расцветших среди улиц Лондона, а затем захвативших Англию и весь мир, было невозможно. Газетчики, а с их помощью и публика с удовольствием подхватили и развили глубоко симпатичную им мысль о бездарности и лени полицейских, чью работу оплачивает общество, и тотальном превосходстве над ними гениального самоучки, бессребреника, распутывающего злоецие загадки за символические деньги, исключительно из потребностей своего ненасытного до работы ума. Во многом причиной такого враждебного отношения к полиции служил особый склад ума британца, в особенности лондонца, видевшего в полисмене посягателя на его гражданские свободы, чуть ли не шпионящего за людьми и их частной жизнью. Едва наметившемуся улучшению ситуации сильно повредил коррупционный скандал в Скотленд-Ярде, случившийся в конце семидесятых, когда лучшие люди суперинтенданта Уильямсона были застигнуты за получением взятки от мошенников, орудующих на тотализаторе. Этой атмосферой недоверия к официальному уголовному сыску вполне успешно пользовались частные сыщики, коих развелось предостаточно. Но их успех заключался отнюдь не в результатах деятельности — отсутствие профессионализма, организации, системы сбора информации и многого другого остро сказывалось на качестве их работы. Такие сыщики обрабатывали частные заказы и не совались в дела полиции. Холмс стал первым, кто бросил открытый вызов

Скотленд-Ярду. Он пытался сделать себе имя, нарочито пересекая нам дорогу и стремясь превратить поиск и поимку преступников в нелепое соревнование одиночки с полицией, в котором таланты первого непременно должны были обеспечить ему победу.

Ничего не могу сказать о его так называемой агентуре из уличных мальчишек. Подозреваю, что ее не было вовсе и новости он узнавал обычным способом — из газет. Но иногда до его ушей долетал слух о том, что возле такого-то дома по такой-то улице в толпе зевак с тревогой и возбуждением обсуждают прибытие детективов с набережной Виктории, и в самый разгар нашей работы, когда производился осмотр места и опрос очевидцев, он успевал не просто примкнуть к любопытным, но еще и самоуверенно вторгнуться в самый центр, преодолевая оцепление с помощью важного вида и уверенней, что «полиция отчаянно нуждается в его помощи». Появившийся через пару лет доктор Уотсон составил ему компанию — вероятно, для внушительности и от собственного безделья. Теперь топтаться на месте преступления, затирая важные следы и улики и отвлекая нас глупыми замечаниями, они стали вместе. Доктор, правда, больше молчал, но умудрялся как-то особенно неудачно путаться под ногами. Мне ничего неизвестно о его восточном прошлом, возможно, он действительно когда-то принадлежал армии. Во всяком случае, будет справедливым признать, что то непередаваемое достоинство, с которым он ухитрялся занять всякий раз самое неподходящее место, действительно отчасти присуще отставным военным. Судить здесь не возьмусь. Добавлю только, что, когда его пытались сдвинуть с такого места, он, не сразу уловив, чего от него хотят, в конце концов дружелюбно кивал и, переместившись, наступал на ногу инспектору Грегсону, а однажды по рассеянности и вовсе встал прямо на труп.

Холмс тем временем поражал нас акробатически-ми этюдами собственного сочинения, лазая по потолку

и раскачиваясь на люстре в поисках следов и прочих улик. Эксперименты на открытом воздухе отличались не меньшей ловкостью и также имели бы неплохие шансы произвести должное впечатление, если бы не их результаты. Даже мне, цинику, невозможно было избежать чувства глубокого восхищения Холмсом, когда он с кошачьей грациозностью, доступной только ему, вскарабкивался на деревья и заглядывал в гнезда птиц, внимательно с лупой осматривая их. Оставалось непонятным только, почему, по его мнению, улики следовало искать в таких труднодоступных местах, но никто из нас не был настолько любопытен. На моей памяти только однажды инспектор Джонс позволил себе некоторую несдержанность, когда Холмс, предположив, что застреленного на самом деле утопили в луже, а только затем застрелили для верности, потребовал осушить или вычерпать эту лужу, уверяя, что обнаружит на ее грязном дне отпечаток ноздрей жертвы. Джонс предложил перепоручить это занятие солнцу с уверением, что оно справится не хуже. Удивительно, как Холмс умудрялся всё невероятно усложнить и запутать. По-видимому, обычные преступления, регулярно свершавшиеся повсюду, ему были скучны и потому он всегда выдвигал фантастические версии, в изрядной мере лстя преступникам своим ожиданием от них такой же невероятной изобретательности, какую выказывал в собственных измышлениях. Отравитель в его фантазиях никогда бы не снизошел до банально подсыпанного в бокал цианида. Вместо этого он швырялся ядовитой змеей, предварительно разозленной добела долгим раскручиванием за хвост, стрелял отравой из револьвера, метал с десяти ярдов заправленные ядом шприцы, словно дротики, использовал сам обиход жертвы, его образ жизни и окружающую обстановку, присылая в подарок ценителю прекрасного отравленные гобелены, расставляя в парке отравленные капканы, подсовывая собаке отравленную палку, чтобы она, обливав хозяина, перед собственной смертью успела стать

Оглавление

<i>Введение</i> , в котором ценность истины не выглядит безусловной	5
<i>Глава первая</i> , в которой обида выдает себя желчью	23
<i>Глава вторая</i> , в которой доктору Уотсону открывают глаза на его талант	35
<i>Глава третья</i> . Все проблемы в голове, тем более если она рыжая	51
<i>Глава четвертая</i> , в которой заботам клиента можно только позавидовать	65
<i>Глава пятая</i> , в которой инспектор не уверен, что его не надули	87
<i>Глава шестая</i> , в которой каждый доказал, что способен на поступок	95
<i>Глава седьмая</i> , в которой полицию убеждают, что сделано всё возможное и даже больше	109
<i>Глава восьмая</i> . Внутренний анализ и наружное наблюдение	121
<i>Глава девятая</i> , которая заканчивается небольшим недоразумением	133
<i>Глава десятая</i> . Смена ролей, или Всё во имя клиента	141
<i>Глава одиннадцатая</i> . Ранняя осень в камере свидетеля	149
<i>Глава двенадцатая</i> , повествующая о том, как нелегко даются большие деньги	161
<i>Глава тринадцатая</i> , в которой следствие получает подкрепление	175
<i>Глава четырнадцатая</i> , в которой показано, как предчувствия притягивают горе	187

Другой Холмс. Начало

<i>Глава пятнадцатая. Примерный муж, идеальная жена.....</i>	199
<i>Глава шестнадцатая, избыливающая поводами для негодования.....</i>	209
<i>Глава семнадцатая. Недолгое счастье.....</i>	223
<i>Глава восемнадцатая. Внезапные каникулы</i>	233
<i>Глава девятнадцатая. Слабая надежда</i>	241
<i>Глава двадцатая, в которой серьезных мужчин втягивают в женские дразги</i>	249
<i>Глава двадцать первая, в которой приходится буквально рыть землю</i>	259
<i>Глава двадцать вторая, в которой работа вынуждает сыщика погрузиться в мир развлечений</i>	265
<i>Глава двадцать третья. Ночь в предместье</i>	273
<i>Глава двадцать четвертая. Чувствительная душа в водовороте соблазнов</i>	283
<i>Глава двадцать пятая. Шутки кончились.....</i>	293
<i>Глава двадцать шестая, в которой доктору Уотсону грозит личное счастье.....</i>	303
<i>Глава двадцать седьмая, в которой так приятно выказать сочувствие</i>	315
<i>Глава двадцать восьмая, в которой Шерлок Холмс подтверждает свой высочайший профессионализм.....</i>	321
<i>Глава двадцать девятая. Предвосхищение похищения, или Преступление во благо.....</i>	331
<i>Глава тридцатая. Самое подходящее место.....</i>	343
<i>Глава тридцать первая, в которой уважаемые люди сбиты с толку</i>	351
<i>Глава тридцать вторая, в которой доктор Уотсон приобретает полезные навыки</i>	359
<i>Глава тридцать третья, в которой номер второй выходит на передний план</i>	369

<i>Глава тридцать четвертая. Грустное обаяние сумрака</i>	<i>387</i>
<i>Глава тридцать пятая. Рождественское чудо</i>	<i>397</i>
<i>Глава тридцать шестая, в которой Шерлок Холмс впечатлен находчивостью друга</i>	<i>411</i>
<i>Глава тридцать седьмая. Логика бесстыдства, или Смущение доводов перед наглостью</i>	<i>423</i>
<i>Глава тридцать восьмая, в которой клиент всё еще обеспокоен</i>	<i>439</i>
<i>Глава тридцать девятая. Совет на прощание</i>	<i>453</i>
<i>Глава сороковая. Невнятный финал</i>	<i>459</i>
<i>Глава сорок первая, в которой непримиримые стороны приобретают бесценный опыт сотрудничества</i>	<i>467</i>
<i>Глава сорок вторая. Национальное достояние.....</i>	<i>481</i>
<i>Глава сорок третья, в которой женщине прощается всё.....</i>	<i>523</i>